

Белоконь-Пожарицкая Н.А. Образ «нового героя» в творчестве В. Шукшина // Восточнославянская филология. – Литературоведение. Вып. 11 (35). / ГОУ ВПО «Горловский ин.-т иностранных языков». Редкол.: С.А. Кочетова и др. – Горловка: Издательство ГОУ ВПО «ГИИЯ», 2020. – С. 35-40.

**Н. А. Белоконь-Пожарицкая,
Т. В. Димброва
г. Горловка, ДНР**

УДК 82-3.09

ОБРАЗ «НОВОГО ГЕРОЯ» В ТВОРЧЕСТВЕ В. ШУКШИНА

Заявив о себе на литературной арене в начале 60-х годов XX века, В. Шукшин сделал акцент на проблеме моральных ценностей. Уже в ранних новеллах отразилось своеобразие идейно–эстетической позиции писателя, что обусловило выбор нового героя и особой поэтики рассказа. И до В. Шукшина известные новеллисты изображали судьбу героя на фоне народной судьбы. Этот принцип классики В. Шукшин применил к новой эпохе и новому типу героя.

Напомним, что в свое время Ф. Достоевский не просто отошел от традиций «физиологического очерка», он пренебрежительно относился к писателям, которые изображали характерную жизненную среду, недооценивая психологию человека [2,с.88]. Эта гуманистическая позиция великого классика все активнее поддерживается и развивается советскими писателями. Причастность художественно самобытной характерологии В. Шукшина к концепции личности Ф.М. Достоевского заметили уже первые исследователи творчества советского писателя. И дело, конечно, не в творческой направленности художника на исследование глубинной сущности человека, на «борьбу за человека», на «открытие человека в человеке». На этом, так сказать, общечеловеческом уровне у В. Шукшина есть много родственных с классиком творческих признаний. Вот,

например, опасение советского писателя-гражданина, чтобы в процессе решения проблем и новых дел «машинизированных временем нам бы душу не забыть», и признание, что его как писателя тревожит и интересует в первую очередь «внутренний сюжет» жизни, «внутренняя биография человека», «то состояние души, в котором наш русский человек, крестьянин сейчас находится и живет» [3, с.18]. И в этом смысле В. Шукшина, как и Ф. Достоевского, можно отнести к типу «реалиста в высшем смысле», он также стремился проникнуть в глубины человеческого сознания. Однако в этом сходстве гуманистических позиций ярко проступают признаки мировоззренческого различия двух самобытных художников. Творческой целью Ф. Достоевского было «при полном реализме найти в человеке человека», а В. Шукшин обращался к духовному миру человека в поисках правды жизни. Этим гносеологическим принципом обусловлен и шукшинский психологизм, пути создания типичного образа жизни и человека «Где есть правда, там она и нужна. Но есть она и в душах наших, и там она порой недоступна» [3, с.16].

Унаследовав гуманистические тенденции классической литературы, В. Шукшин на новом историческом этапе стремится по-своему осмыслить сложные социально-нравственные вопросы. Эта новизна оказывается, в частности, и в стремлении разобраться в социально-психологической сути морального лица современника. Исповедуемая писателем философия правды обусловила и его концепцию героя, и формы типизации. Задумываясь над тем, каким должен быть современный положительный герой, писатель выразил принципиальное несогласие с устоявшимся взглядом на нормативную заданность образа современника, на определении того, каким он должен быть. И тут, по мнению В. Шукшина, скрыта ошибка «не надо знать, каким должен быть положительный герой надо знать каким он есть в жизни» [3, с.18]. Что же до Ф. Достоевского, то его интересовал герой не как явление действительности, обладающий

определенными и твердыми социально-типическими и индивидуально-характерными признаками, которые в своей совокупности дают ответ на вопрос «кто он?», а, прежде всего, «как особая точка зрения на мир и на самого себя» [11, с.79]. Конечно, и в творчестве В. Шукшина смысловая и оценочная позиции человека по отношению к себе и окружающей действительности выполняет существенную обобщающую роль, однако сам предмет обобщения не ограничивается сознанием и самосознанием. Он, предмет, в самом реальном бытии, в причинах и следствиях глубинных социально-нравственных коллизий. Учитывая это обоснованной и убедительной представляется попытка В. Быстрова проследить, какое конкретное выражение находит во многом общий Ф. Достоевскому и В. Шукшину гуманистический пафос. Правда, предположение исследователя, будто это идейно-творческое родство художников проявляется в выборе героев и в авторском отношении к ним, своими публицистическими выступлениями и художественными произведениями опровергает сам В. Шукшин.

Правду, справедливость, писатель рассматривал как «коренное русло жизни», поэтому и в «наслаждении правдой жизни» видел высший смысл общения с искусством. Желая быть «правдивым перед собой до конца», писатель в рассказах о «малой Родине» признает, что нигде больше он не встречался с такой простой целесообразностью жизнеустройства, с такими естественными отношениями между людьми, как в доме своего деда-прадеда. Особенно привлекала В. Шукшина свойственная народной этике искренность и, так сказать, адекватность в оценке человеческих достоинств и пороков. Если, к примеру, у ребенка еще в детском возрасте проявилась «склонность к праздности, то она никак не выгораживалась, не объяснялась никакими редкими способностями ребенка, то была простая лень, поэтому высмеивалась, истреблялась» [3, с.18]. Унаследованные писателем принципы народной морали в немалой степени определили своеобразие шукшинской типизации.

В творчестве В. Шукшина появляется еще один новый тип героя – герой-чудик. Чудачества шукшинских героев отмечены в исследовании М. Биличенко, где отмечен разный нравственный смысл: мораль героя-чудика противостоит мещанскому сознанию или расходится с народной этикой. В первом случае чудачество является степенью нравственной непримиримости, которую проявляют герои в обычных бытовых ситуациях, свидетельством моральной требовательности героя. Во втором – странными выступают «антигерои», те, что осужденные народным мнением или же вскрываются в процессе повествования. Самостоятельность и своеволие героев этого типа неожиданно, особенно изобретательно превращается в самоуправство, самодурство. В бессмысленных нелепых поступках «антигероев» В. Шукшин с позиций народности своего эстетического и этического идеала сатирически обобщил образы носителей чуждой нам морали [5, с.96].

Писатель-деревенщик создал целую галерею персонажей, запоминающихся, единых в том, что все они демонстрируют разные грани русского национального характера. Этот характер оказывается у В. Шукшина чаще всего в ситуации драматического конфликта с жизненными обстоятельствами. Шукшинский герой, живущий в деревне и занят привычной, по-сельски монотонной работой, не может и не хочет раствориться в сельском быту «без остатка». Ему страстно хочется хоть ненадолго уйти от обыденности, душа его жаждет праздника, а беспокойный разум ищет «вышей» правды. Легко заметить, что при внешней непохожести шукшинских «чудаков» на «высоких» героев-интеллектуалов русской классики они, шукшинские «сельские жители», так же не хотят ограничить жизнь «домашним кругом», их так же беспокоит мечта о яркой жизни, наполненная смыслом. А поэтому их тянет за пределы родной околицы, их воображение занято проблемами отнюдь не районного масштаба.

Характерная для рассказов В. Шукшина коллизия – столкновение «городского» и «деревенского» – не столько выявляет социальные противоречия, сколько обнаруживает конфликтные отношения мечты и реальности в жизни «маленького человека». Исследование этих отношений и составляет содержание многих произведений писателя, способствует созданию нового типа героя.

Русский человек в изображении В. Шукшина – человек ищущий, задающий жизни неожиданные, странные вопросы, любящий удивляться и удивлять. Она не любит иерархию – ту условную житейскую «табель о рангах», согласно которой есть «знаменитые» герои и есть «скромные» труженики. Против этой иерархии, шукшинский герой может быть трогательно-наивным, как в рассказе «Чудик», невероятным выдумщиком, как в «Миль пардон, мадам!», или агрессивным спорщиком, как в рассказе «Срезал». Такие качества, как послушание и смирение, редко присутствуют у персонажей В. Шукшина. Скорее наоборот: им свойственны упрямство, своеволие, нелюбовь к пресному существованию, противление дистиллированной благоразумия.

Высоким порывам шукшинских героев, увы, не дано реализоваться в жизни, и это придает воспроизведенным ситуациям трагикомическую тональность. Однако ни анекдотические случаи, ни эксцентричное поведение персонажей не мешают писателю разглядеть в них главное – народную жажду справедливости, заботу о человеческом достоинстве, тягу к наполненной смыслом жизни. Шукшинский герой часто не знает, куда себя деть, как и на что использовать собственную душевную «широту», он мается от собственной бесполезности и бестолковости, он совестится, когда причиняет неудобство близким. Но именно это делает характеры героев живыми и устраняет дистанцию между читателем и персонажем: шукшинский герой безошибочно угадывается как человек «свой».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. Смысл истории / Н. А. Бердяев. – М: Наука, 1990, – 175с.
2. Бочаров А. Г. Контрапункт. Общее и индивидуальное в прозе В. Шукшина, В. Распутина, Ю. Трифонова / А. Г. Бочаров. – М.: Просвещение, 1991. – 135 с.
3. Бочаров А. Г. Современная русская советская литература / А. Г. Бочаров. – М.: Просвещение, 1987. – 256 с.
4. Быков В. На высоте совести / В. Быков // Литературная газета. – 1986. – 15 мая. – С.3.
5. Вильчек Л. Ш. Деревенская проза / Л. Ш. Вильчек. – М.: Просвещение, 1987. – 226 с.
6. Газизова А. А. Нравственно-философские искания современной советской прозы (Ч.Айтматов, В.Распутин): 10.01.02 «Русская литература»: автореф. дис. канд. филол. наук / Газизова А. А. – Москва, 1980. – 196с.

АННОТАЦИЯ

Белоконь-Пожарицкая Н. А., Димброва Т. В. Образ «нового героя» в творчестве В. Шукшина.

В статье автор раскрывает особенности эстетических взглядов писателя-деревенщика В. Шукшина и их отражение на создании нового героя в литературе. В. Шукшин унаследовал традиции русского классика Ф. Достоевского, что оказало влияние на психологию некоторых персонажей и создание типологии шукшинских героев.

Образ нового героя В. Шукшина связан с реалистическим изображением не только героя, но и его окружения. Иногда эта реалистичность передается через образы героев-чудиков, что является своеобразной формой протеста против чуждой морали и порядков в обществе.

Ключевые слова: типология героев, образ, персонаж, характер, проблематика.

SUMMARY

Belokon-Pozharitskaya N., Dimbrova T. The image of a «new hero» in the work of V. Shukshin.

In the article, the author reveals the peculiarities of the aesthetic views of the woodland writer V. Shukshin and their reflection on the creation of a new hero in literature. V. Shukshin inherited the traditions of the Russian classic F. Dostoevsky, which influenced the psychology of some characters and the creation of a typology of Shuksha heroes.

The image of the new hero V. Shukshin is associated with a realistic image of not only the hero, but also his environment. Sometimes this realism is transmitted through the images of weird heroes, which is a kind of protest against alien morality and order in society.

Keywords: typology of heroes, image, character, character, problems.